

ТОТ год зима была суровая, и, конечно, как водится, тяжелее всех приходилось беднякам. В месяце бахман¹ — какого числа, сейчас уже не скажу точно — разразился сильнейший ливень, а вслед за ним на город обрушилось страшное наводнение. Из четырех тысяч домов около двухсот — главным образом в бедняцких кварталах — было разрушено, и несколько тысяч жителей остались без крова.

Прослышав об этом трагическом событии, в город нахлынули многочисленные специальные корреспонденты столичных газет для передачи в Тегеран сводок и репортажей о случившемся бедствии.

ЖЕРТВЫ НАВОДНЕНИЯ

ХОСРОУ ШАХАНИ

Иран

РАССКАЗ

Но почему-то появившиеся в газетах сообщения резко расходились с нашими сведениями. По словам газет, в городе было разрушено целых две тысячи зданий, а без крыши над головой оказалось тридцать-сорок тысяч человек.

Разумеется, отцы города — составители официальных сводок — были умнее и опытнее нас. Не могло быть никаких сомнений в том, что их данные были основаны на всестороннем и самом тщательном изучении «последствий катастрофы».

На следующий день после наводнения босой и оборванный люд, лишившийся жилья и средств к существованию, собрался возле здания губернатора, взывая о помощи. Что же еще оставалось несчастным? Ведь единственными нашими защитниками были господин губернатор, господин председатель муниципалитета и их заместители.

Да благословит аллах господина губернатора: как только он узнал, что пострадавшие собрались и ждут его выхода, он тут же распорядился поставить перед главными воротами большой стол, на стол — табурет и со скорбным видом поднялся на этот табурет с траурной повязкой на рукаве. По обе стороны от него встали господин председатель муниципалитета и господа заместители, которые тоже нацепили черные

повязки в знак всеобщего траура, объявленного в нашем городе.

Господин губернатор отвесил поклон, и это вызвало взрыв аплодисментов со стороны благодарных жителей. Ведь в тот день мы впервые увидели, как наш губернатор кланяется. Понятно, что ответом на такой знак расположения и внимания должны были быть именно бурные аплодисменты.

Прежде чем приступить к речи, господин губернатор вынул из кармана своих забрызганных грязью брюк платок и, тихонько всхлипывая, стал отирать им слезы. Ну а уж коли сам губернатор плачет, то что же оставалось делать нам? Естественно, и мы заревели! Со всех сторон поднялись вопли и стenanия.

— Мои... братья... и... сестры, — еле выговаривая слова сквозь душившие его слезы, произнес губернатор, — я потрясен несчастьем, обрушившимся на вас... моих дорогих... мужественных... отважных... все выносящих соотечественников...

Стоявший рядом с ним председатель муниципалитета, подтолкнув его в бок, прошептал:

— И про нас скажи... Ну... что мы тоже потрясены!

— И не только я один, — продолжал губернатор, — но и господа председатель муниципалитета и его уважаемый заместитель тоже потрясены до глубины души.

В это время начальник отдела народного образования, стоявший за спиной председателя муниципалитета, тоже толкнул губернатора, цедя сквозь зубы:

— Скажи... что и мы потрясены... Смотри, как мы все расстроены!

Всхлипывая, губернатор продолжал:

— ...Не только я, господин председатель муниципалитета и его заместитель огорчены этим событием — господа начальники отделов народного образования, финансов, земледелия и... и... и... тоже потрясены. — (Господин губернатор был очень чувствительный человек.)

— Я всю ночь не спал, — продолжал губернатор, — осматривал пострадавшие кварталы города. — (Конечно, если бы господин губернатор спал, то наводнение, безусловно, разрушило бы гораздо больше домов.) — Вот смотрите!

Он приподнял ногу и, вытянув ее в сторону толпы, показал прилипшие к брюкам комки грязи. В ответ раздался взрыв аплодисментов. (У нас в городе народ вежливый, а поскольку господин губернатор впервые показывал нам свою ногу, мы не могли не отреагировать на это соответствующим образом.)

Во второй половине дня самолеты, нагруженные сахаром, чаем, рисом, одеялами, мукой, пшеницей, палатками, подобно стае аистов, стали приземляться в нашем городе.

Склады в губернаторстве и муниципалитете были переполнены. А поскольку продукты и теплые вещи нельзя оставлять на улице, одну половину присланного отнесли в кладовку господина губернатора, а вторую — в кладовую господина председателя муниципалитета и его заместителя. Что ни говори, так было надежнее и сохраннее!

На следующий день были получены центральные газеты и журналы. Первые полосы пестрели фотографиями и сообщениями о происшедшей в нашем городе трагедии. Оказывается, дело обстояло гораздо серьезнее, чем мы предполагали, и наводнение было намного страшнее, чем нам

¹ Бахман — одиннадцатый месяц в иранском солнечном календаре (21 января — 19 февраля).

казалось! По данным газет, в городе было разрушено шесть-семь тысяч домов и погибло семьсот-восемьсот человек! А поскольку газеты никогда не врут — значит, действительно так и было!

Как только солнце зашло за горы, ударил мороз. Бездомные и голодные, пристроившись на сырых, скользких крышах, мы тряслись, как собаки, и жались друг к другу, пытаясь хоть немного согреться. Но будучи дисциплинированными и вежливыми, мы понимали, что присланные из центра одеяла должны быть розданы торжественно, организованным порядком. Ведь это же не шутка! И когда наиболее ретивые из нас решили пойти к губернатору и попросить несколько одеял, остальные стали горячо отговаривать их, доказывая, что в любом деле требуется порядок и выдержка.

На следующий день рано утром дрожащий как в лихорадке народ опять собрался перед зданием губернаторства. Снова принесли стол и поставили его перед воротами. Но на этот раз обошлось без табуретки. А поскольку господин губернатор заседал в комиссии по оказанию помощи жертвам наводнения, то поговорить с пострадавшими было поручено господину председателю муниципалитета.

Председатель муниципалитета взобрался на стол. Он был намного веселее, чем вчера. Да благословит его аллах — какое самообладание! Ведь душа его обливалась кровью от жалости, но, чтобы вселить в нас бодрость и уверенность в будущем, ему приходилось улыбаться! Ну и мы, естественно, подбодрились.

Председатель муниципалитета извинился за то, что господин губернатор не смог выйти к нам лично. Дело в том, объяснил он, что господин губернатор всю ночь был занят подсчетом нанесенного городу ущерба. Вопрос о раздаче одеял и продуктов жертвам наводнения вскоре будет решен. Надо только набраться терпения и, главное, сохранять спокойствие и порядок. На этом он и закончил свою короткую речь.

В эту ночь несколько человек погибло — задохнулись от холода бедняги.

На следующий день, поскольку господин губернатор и председатель муниципалитета были заняты делами комиссии, перед собравшимися выступил начальник канцелярии муниципалитета — маленький щупленький мужчина. (Уже ни стола, ни табуретки и в помине не было.)

Начальник канцелярии тоже пообещал, что вскоре комиссия закончит свою работу и тогда дорогим соотечественникам будет оказана необходимая помощь.

Прошло десять дней, и, кроме двухсот-трехсот одеял, каждое из которых было выдано на десять-двенадцать человек, больше никакой помощи пострадавшие не получили.

Наконец в одно прекрасное утро наше терпение лопнуло, и мы вновь выстроились перед зданием губернаторства, требуя самого господина губернатора.

После долгих препирательств он показался наконец в сопровождении небольшой свиты. На этот раз на его рукаве никакой черной повязки не было, чему мы очень обрадовались, — значит, все в порядке и траур кончился.

Народ встретил губернатора аплодисментами и криками «ура». Когда восторги поутихли, господин губернатор взобрал на ступеньки и, обратившись к толпе, спросил:

ПЕРСИДСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ

Величие от ума, а не от возраста.

*

Делись своим горем с тем,
кто испытал горе.

— Чего это вы здесь собрались?

— Вы знаете, господин губернатор, — начали наиболее смелые, стоявшие в первых рядах, — что наводнение оставило нас без крова. Мы пришли, чтобы получить обещанную нам помощь.

Господин губернатор почесал красную мясистую шею и удивленно произнес:

— А разве до сих пор вы не получили помощи?

— Нет, кроме одеял — одно на десятерых, — ничего не получили, — доложили мы.

Господин губернатор побагровел от гнева и вдруг завопил диким голосом:

— Сволочи! Сколько же, по вашему мнению, мы должны были вам выдать одеял? Постыдились бы, бессовестные вымогатели! Мерзавцы!

И Абдолкадер, начальник городской управы, с помощью нескольких десятков здоровенных дворников разогнал народ. Тем, кто пытался оказать малейшее сопротивление, скрутили руки и по обвинению в нарушении общественного порядка выслали в отдаленные районы.

На следующий день выглянуло солнце, стало теплее и страсти поутихли. От страха перед закрученными усами Абдолкадера и палками его подручных никто не смел даже проходить мимо здания губернаторства.

Через несколько дней в центральной прессе мы прочитали, что многочисленные благотворительные общества и организации почти всего земного шара оказали значительную помощь жертвам наводнения нашего города. Каждому пострадавшему было выдано по брезентовой палатке, по четыре одеяла из верблюжьей шерсти, пять мешков муки двойного помола, сто килограммов сахара и от пятидесяти до ста тысяч риалов наличными. Кроме того, комиссией по оказанию помощи жертвам наводнения был разработан проект строительства шести тысяч двухэтажных пятикомнатных квартир с холлами, ваннами и всеми удобствами. И уже через пятнадцать дней после наводнения благодаря усилиям и стараниям членов указанной комиссии во главе с господином губернатором две тысячи таких квартир построено и на будущей неделе будет торжественно передано населению. Строительство остальных четырех тысяч квартир идет быстрыми темпами и в ближайшее время также будет завершено.

Жертвы наводнения в своих многочисленных телеграммах искренне благодарят за безупречную организацию помощи и чуткое отношение господ председателей учреждений и членов комиссии...

Перевел с персидского
Дж. Дорри